

Елена Образцова:

Мне жизнь идет на пользу!

Кажется, ее кипучая деятельность не прекращается ни на минуту. Не успев отдохнуть после выступлений в Таганроге и Ростове-на-Дону, устроила презентацию Международного центра музыкального и хореографического мастерства в Большом зале Московской консерватории. Она — президент, вице-президенты — тоже люди известные — Маквала Касрашвили, Михаил Лавровский... Отрекомендовав свой центр, вскоре опять куда-то улетела. Но в промежутке мы все-таки успели встретиться с ней и поговорить.

— Скажите, сцена манит вас сейчас к себе с той же силой, что и в начале вашего творческого восхождения?

— Мне кажется, что даже с большей. Ибо всякий раз, выходя на сцену, подсознательно спрашиваешь себя: «А вдруг это выступление будет для меня последним?».

— Что самое ценное для вас в собственном творчестве?

— На мой взгляд, невозможно разделить творчество на какие-нибудь части. Как нельзя разделить на части собственную жизнь. Это единый громадный процесс осознания самой себя, окружающих тебя людей и природы. Жизнь обогащает человека, и все богатство души, приобретенное опытом и данным от природы, ты каждый раз выносишь на сцену. В этом и заключено счастье творчества, самое ценное в нем.

— Сцена для вас иллюзия или реальность?

— Абсолютно реальная жизнь. Потому что я «реально живу» и с Кармен в Севилье, и с Графиней в Версале или Петербурге, и с Амнерис в Древнем Египте, и с Фросей из «Семена Котко» на Украине. Исполняя эту роль, всегда радовалась, что могу перенестись в свои детские годы, так как, наверное, была тогда точно такой же отчаянной Фроськой. Я совершенно свободна на сцене в проявлении своих чувств и считаю сиюминутность переживаний, пожалуй, самым тайным моментом творчества. Поэтому можно сказать, что я прожила много жизней в разных эпохах, странах и предлагаемых ими обстоятельствах. И все мои героини для меня были и есть — моя реальная жизнь и даже в какой-то степени мой личный жизненный опыт.

— Привязанность к тем или иным ролям изменяется с течением времени?

— Да, конечно, как все в нашей жизни. Но я всегда особенно любила и люблю Марфу в «Хованщине» — моей натуре созвучны сила ее характера и истовость веры.

— А где вы чувствуете себя комфортнее — на сцене или в жизни?

— По большому счету, нигде. Но уютнее всего мне бывает наедине с природой.

— Случалось ли так, что ваше искусство вступало в непримиримое противоречие с вашей жизнью?

— Искусство не может огордить от повседневности. Да я и не хочу этого, ибо стремлюсь жить максимально полно. Но, с другой стороны, в жизни любого творческого человека возникают ситуации, которые отвлекают его от искусства, будь то болезни или душевные переживания. У меня в жизни бывали очень сложные моменты, которые в конечном счете все же помешали моему творчеству. Потому что оставаться в искусстве при том, что я испытывала в то время, для меня было крайне трудно. И я позволяла себе какие-то небольшие послабления — исполняла не самый

сложный репертуар, например, для того, чтобы быть в состоянии решать те задачи, которые ставили передо мной искусство.

— Говорят, что сцена — сродни страсти. Вы согласны с этим?

— Без всяких сомнений, это подлинная страсть. За все годы своей творческой жизни я не раз выходила на сцену и с высокой температурой, и даже с переломами, потому что каждый мой выход к публике — это подарок Господа, который я не вправе не принять.

— А еще какая-нибудь страсть, кроме сцены, сегодня наполняет вашу жизнь?

— Желание жить и быть полезной людям. Я искренне стремлюсь совершенствовать свою душу и строить свою жизнь по тем десяти заповедям, которые дал нам Господь в своей Нагорной проповеди. Каждый вечер я молюсь перед сном и вспоминаю прошедший день, оценивая все совершенные мной поступки. И если прихожу к выводу, что поступила плохо или несправедливо, то говорю себе, что непременно должна буду извиниться и сделать что-то хорошее. Одно время я даже молилась о том, чтобы Господь даровал мне способность не только отвлекать людей от тягостных повседневных забот, но и исцелять их силой моего голоса.

— В чем чаще всего вы упрекаете себя?

— В несдержанности. Правда, я пытаюсь все время себя контролировать. Однако срываюсь, когда уже физически бываю не в силах воспринимать тот непрерывный поток информации, который постоянно обрушивается на меня. Телефонные звонки, встречи и переговоры — от всего этого я просто схожу с ума!

Так уж сложилось, что окружающим я кажусь волевой и властной натурой, вероятно, потому, что обладаю сильно воздействующим на людей биополем. На самом же деле я очень нерешительный и сомневающийся в себе человек — мне бывает чрезвычайно трудно разрешить какую-нибудь личную проблему. Я всегда испытываю внутреннее страдание, прежде чем принять окончательное решение, потому что самое главное для меня — это никого не обидеть и никому не сделать больно.

— Что вы приобрели, открыли в себе благодаря жизненному опыту, а что потеряли?

— Любые проявления жизни по-своему благотворны. Естественно, мне хотелось бы по возможности меньше ошибаться. Я твердо уверена в том, что человек всегда сам повинен в своих ошибках. Если же говорить в целом, то мне хочется верить, что я ничего не утратила, так как все мои поступки, будь они правильными или ошибочными, попадают в копилку моей жизни и становятся моим опытом. Мне жизнь идет на пользу — я стала спокойнее относиться к своим неприятностям, стала сдержаннее, терпимее и добрее к людям. С годами я по-прежнему мудрею. Но все равно чувствую себя молодой душой. И считаю это Божьей благодатью, ибо знаю много людей, которые состарились гораздо раньше срока. Мне кажется, женщины стареют только оттого, что не пытаются быть молодыми внутренне.

— Вы могли бы несколькими фразами нарисовать «портрет» своей души?

— Нет, это слишком сложно. Потому что чем старше становишься, тем более усложняется твоя душа. Так как, с одной стороны, накапливается жизненный опыт, а с другой — чем больше ты знаешь, тем больше хочешь получить от окружающих и требуешь от

самого себя. Это как в пении — чем лучше владеешь техникой, тем больше этой же техники тебе и не хватает. Чем больше я умею, тем сильнее ощущаю свою несостоятельность, потому что увеличение знаний и умений влечет за собой повышение уровня собственных желаний, а следовательно, тем меньшее число этих желаний ты способен удовлетворить.

— Как вы считаете, жизнь к вам справедлива?

— Это вечный вопрос, на который не существует истинного ответа. Многое в судьбе человека зависит от него самого. Он должен уметь быть хозяином собственной жизни, уметь выбирать между добром и злом. Ведь Господь экзальтирует нас каждый день. И этот постоянный выбор, на мой взгляд, есть основа жизни. Потому что, если бы Бог все время определял наши поступки, то люди превратились бы в манекены, а жизнь стала бы походить на представление в кукольном театре, полностью утратив свое творческое начало. А Бог каждому человеку дает столько добра и испытаний, горя и радости, сколько в состоянии вынести его душа.

Что же касается лично меня, то думаю, что жизнь ко мне справедлива, может быть, даже более чем. Я счастлива, что живу той жизнью, какая у меня есть. Хотя, признаюсь, очень многими делами, которыми приходится заниматься, мне заниматься бы не хотелось. Однако, если мне дано это бремя, я должна достойно его нести.

— Вы очень много работаете. Что это — природное ваше свойство, избыток энергии или боязнь не успеть что-то сделать?

— И то, и другое, и просто боязнь остановиться. Пока «колено работы» катится, ты еще нужен людям и все у тебя идет нормально. А если оно остановится, его уже очень трудно будет «раскрутить» вновь. Отчасти именно поэтому я совмещаю свою сценическую деятельность с преподавательской.

— Ваша главная преподавательская заповедь — какая она?

— Отдай все, что можешь и умеешь.

— Насколько, на ваш взгляд, успех ученика зависит от его педагога?

— Действительно, очень многое зависит от педагога, но нельзя не принимать во внимание наличие или отсутствие у ученика таланта. Ведь большинство людей полагает, что, если студент получает образование в консерватории, он уже гений. На самом же деле часто бывает так, что человек, обладающий хорошим голосом, абсолютно не способен к учению, и, наоборот, поступает абитуриент со скромными вокальными данными, а в процессе занятий начинает добиваться определенных результатов.

— А что вы думаете о своих мастер-классах, с большим успехом даваемых вами на Западе?

— О, это тихий ужас! (смеется). Очень много людей с удовольствием и интересом приезжают из разных стран мира, и мы подолгу общаемся. Я отдаю преподавание без остатка, уставая до полного изнеможения. Но делаю это с огромным наслаждением, ибо ощущаю подлинную необходимость того, чем занимаюсь.

— Как вы относитесь к молодым певцам, пытающимся копировать вашу сценическую и вокальную манеру?

— Слава Богу, манера неплохая, пусть копируют. В начале своего творческого пути я тоже копировала очень многих, стремилась взять все самое лучшее от своих стар-

ших коллег, как бы создавая «собирательный» стиль исполнения. Самое главное — это научиться понимать, что из увиденного и услышанного можно копировать, а что нельзя.

— А чем будет заниматься создаваемый вами центр?

— Я считаю образование, даваемое нашими музыкальными вузами, недостаточным, так как из их стен зачастую выходят люди недоученные. И я очень хочу, чтобы центр стал своего рода школой высшего мастерства, чтобы в нем имели возможность брать уроки все желающие молодые вокалисты. Он будет оснащен всем необходимым для плодотворных занятий — от нотной библиотеки и фонотеки, куда я отдам все, что есть у меня дома, до кабинетов фонографии, стоматологии и косметологии... А преподавать будут выдающиеся певцы всего мира — те люди, вместе с которыми я провела в лучших оперных театрах планеты большую часть своей творческой жизни. Все мы работали с самыми великими дирижерами и режиссерами нашего времени, пели с легендарными певцами старшего поколения, поэтому нам есть что передать оперным «звездам» будущего.

— Что вам конкретно нужно сделать для того, чтобы центр начал свою работу?

— Наша страна до сих пор остается довольно закрытой. Раньше контактам мешал «железный занавес», теперь — наша экономика. Мы пока не в состоянии платить за те знания, которые могли бы нам давать зарубежные страны. Поэтому для того, чтобы без посторонней помощи финансировать обучение студентов (я хочу, чтобы учащиеся несли расходы только за дорогу), было решено построить на участке земли в центре Москвы, который уже выделило государство, бизнес-комплекс, включающий в себя не только отель, но и рестораны, авиакомпанию, банк, экскурсионный сервис и другие подобные организации.

— Что вы считаете своим последним успехом?

— Пусть не покажется нескромным, но я считаю, что недавно замечательно исполнила Кармен в Тайбэе, на Тайване. (Ставил спектакль итальянский режиссер Пьер Маэстрини, а дирижировал Чин Сен Чен, великолепный музыкант). По-моему, это была лучшая Кармен в моей жизни. Пела я вместе с бывшими солистами Большого театра — Владимиром Поповым (Хозе), живущим сейчас в Канаде и имеющим контракты с «Метрополитен-опера», «Ла Скала» и «Ковент-Гарден», и с Никитой Сторожевым (Эскамильо), который ныне живет в Париже. К счастью, была сделана хорошая видеозапись этого спектакля, и если наша телевидение ею заинтересуется, я с удовольствием предоставлю ее для показа.

— Каких контрактов вы ждете сегодня от своих импресарио?

— Я уже вряд ли что-нибудь новое и выдающееся создам в оперном театре. Даже не скажу, что бы хотела сделать в опере. В сегодняшние мои планы входят занятия камерной музыкой. Ведь на оперной сцене я буду выступать еще максимум лет пять, а вот на камерной, наверное, сумею сделать многое. Потому что за время активной работы в опере у меня просто не оставалось сил для подготовки камерных программ из редко звучащих произведений...

Беседу вела Мария БАБАЛОВА.

● Е. Образцова. Концерт в квартире А. Неждановой.